

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ВОЛШЕБНЫЙ КОНЬ:
АРАБСКИЕ СКАЗКИ

Книги – мои друзья

Народное творчество (Фольклор)

Волшебный конь: арабские сказки

«Public Domain»

УДК 398.21(=.21/22)-053.2
ББК 82.3(0)-6

Народное творчество (Фольклор)

Волшебный конь: арабские сказки / Народное творчество
(Фольклор) — «Public Domain», — (Книги – мои друзья)

ISBN 978-5-04-089686-8

В сборник волшебных арабских сказок вошли «Приключения калифа Гаруна-аль-Рашида», «Волшебный конь», «Две жизни султана Махмуда». Восточный колорит подчеркивают рисунки Ю. Устиновой. Для младшего школьного возраста.

УДК 398.21(=.21/22)-053.2
ББК 82.3(0)-6

ISBN 978-5-04-089686-8

© Народное творчество (Фольклор)
© Public Domain

Содержание

Приключения калифа Гарун-аль-Рашида	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Народное творчество

Волшебный конь: арабские сказки

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

* * *

Приключения калифа Гарун-аль-Рашида

Однажды калиф Гарун-аль-Рашид сидел в своём дворце, погружённый в глубокую печаль, хотя и сам бы не мог объяснить причину подобного настроения. В это время к нему явился великий визирь Джафар. Он почтительно остановился и, лишь убедившись, что калиф его не замечает, осмелился первым заговорить с ним.

– Повелитель, – сказал он, – да будет позволено мне спросить, что за причина этой странной грусти, которая обычно чужда твоей натуре?

– Я и сам не знаю, что так повлияло на меня, – отвечал калиф, словно очнувшись от сна. – Если ты не пришёл по какому-нибудь делу, то придумай что-нибудь, что могло бы развлечь меня.

– Государь, – отвечал Джафар, – я пришёл сюда напомнить тебе о том, что ты соизволил лично следить за порядком в столице и окрестностях. Быть может, это послужит лучшим средством, чтобы рассеять тучи, омрачающие чело моего повелителя.

– Отлично! – воскликнул калиф. – Я со-всем забыл об этом дне; ступай же переодеться, а я тоже приготовлюсь к дороге.

Они переоделись купцами и, никем не замеченные, вышли через тайную калитку дворцового сада. Везде царили спокойствие и порядок, и калиф, видя, как усердно исполняются его приказания, мало-помалу стал приходить в лучшее настроение. Так незаметно они дошли до реки Евфрата, прошли мост и в конце его набрели на слепого старика, который попросил у них милостыню. Калиф тотчас же достал золотую монету и протянул нищему, но, к его удивлению, тот схватил его руку и воскликнул с мольбой:

– Кто бы ты ни был, сострадательный господин, не откажи мне в милости, о которой прошу тебя: дай мне пощёчину, иначе я не могу взять твоей монеты. Поверь мне, я вполне заслужил такого наказания и даже ещё большего.

И с этими словами слепой нищий выпустил руку калифа, чтобы тот мог угостить его желаемой пощёчиной, но в то же время ухватился за полу его платья, чтобы не дать ему уйти.

– Вот странная просьба! – воскликнул поражённый калиф. – Не могу же я так поступить с человеком, которому хочу помочь!

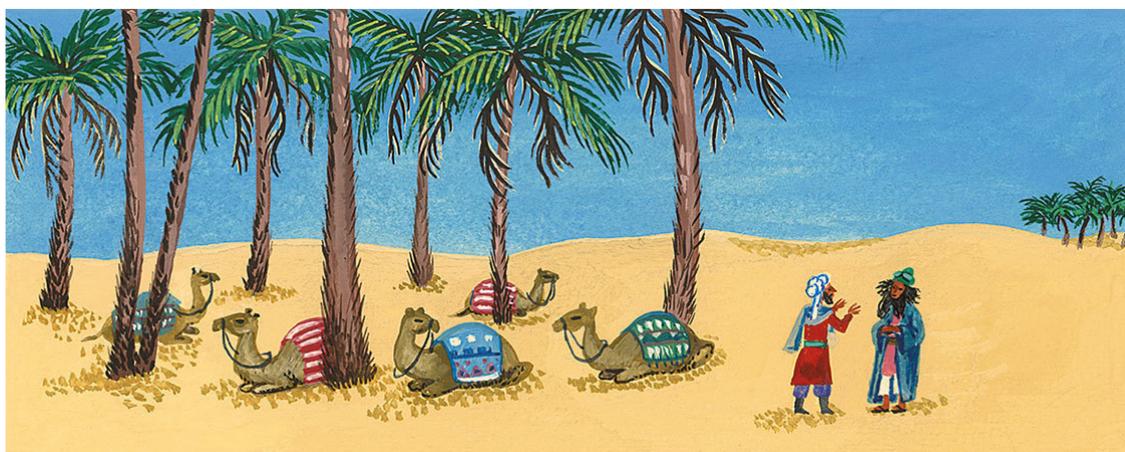
Он хотел было уйти, но слепец ещё крепче ухватился за его платье и не выпускал его.

– О господин! – взмолился он ещё раз. – Если ты не исполнишь моей просьбы, то я должен буду отказаться от твоей милостыни, потому что я дал обет не принимать ничего от других, не получив предварительно пощёчины.

Тогда калиф, чтобы отвязаться от надоедливого нищего, дал ему лёгкую пощёчину и, осыпая его благословениями, пошёл дальше; но, сделав несколько шагов, заметил своему визирю:

– Интересно, что побудило этого чудака дать такой странный обет. Вернись к нему и вели ему завтра после обеда явиться во дворец.

Джафар поспешил исполнить приказание своего повелителя, после чего оба продолжали свой путь уже без особых приключений. Только возле дворца калиф заметил новое великолепное здание. От одного из прохожих они с визирем узнали, что имя владельца – Коджа-Гассан, по прозвищу Альхаббал, что означает верёвочный мастер, так как он раньше занимался верёвочным ремеслом и жил в большой бедности. Лишь недавно неизвестно каким образом он разбогател и выстроил себе этот великолепный дом. Заинтересованный калиф приказал передать Кодже-Гассану, чтобы тот также явился на следующий день во дворец.

На другой день слепец и Коджа-Гассан явились во дворец в назначенное время, и по приказанию калифа слепец рассказал следующую историю:

– Повелитель, меня зовут Баба-Абдаллах, а родился я в Багдаде. После смерти родителей я получил маленькое состояние и благодаря своему труду и прилежанию вскоре значительно приумножил доставшееся мне наследство. Я стал обладателем восьмидесяти верблюдов, с которыми я нанимался к купцам для перевозки их товаров. Однако вечно мучился желанием разбогатеть ещё больше. Эта-то жадность меня и погубила.

Однажды, сдав в Бальсоре порученный мне купцами груз, я возвращался домой. День был жаркий, и, заметив недалеко от дороги прохладную рощицу, я решил дать небольшой отдых и себе, и своим верблюдам. Скоро ко мне присоединился старый дервиш, шедший пешком из Бальсоры. Мы познакомились и мало-помалу откровенно разговорились о своих делах. И дервиш рассказал мне, что здесь неподалёку находится место, где спрятано такое громадное сокровище, что если бы им нагрузить всех моих восьмидесяти верблюдов, то и тогда трудно было бы заметить его уменьшение. Слова дервиша и поразили меня, и привели в неописуемый восторг. Я воскликнул с жаром: «Добрый дервиш, я ведь вижу, что тебя мало интересуют блага сего мира: зачем же тебе скрывать тайну этого сокровища? Ты один, и потому тебе оттуда много не унести. Покажи мне место, где они лежат, и я нагрузу ими своих верблюдов, а в благодарность за оказанную услугу я подарю тебе одного из навьюченных верблюдов».

Конечно, моё предложение не отличалось щедростью, но моя жадность уже успела так разгореться, что мне жаль было расстаться даже с одним верблюдом. Однако дервиш, по-види-

тому, не был возмущён моей скупостью; он только кротко заметил мне: «Брат мой, ты сам должен понимать, как незначительно то, что ты предлагаешь мне, по сравнению с тем благодеянием, которое я могу оказать тебе. Выслушай же мои условия: я поведу тебя туда, где скрыто сокровище, и мы вместе нагрузим твоих верблюдов золотом и драгоценными камнями, но зато потом ты должен будешь уступить мне половину их с грузом. Ты сам видишь, что мои условия очень умеренны: ведь если ты мне уступаешь сорок верблюдов, то я взамен доставляю тебе столько богатств, что ты сможешь приобрести тысячу других».

Я понимал, что дервиш прав, и всё-таки мне было жаль отказаться от половины сокровища, на которое я уже смотрел как на свою собственность. Но спорить не приходилось: дервиш мог рассердиться и оставить меня ни с чем. Поэтому я скрепя сердце принял его условие, и мы отправились в путь.

Наконец мы пришли в долину, окружённую высокими горами.

«Вот мы и пришли, – сказал дервиш, – теперь заставь своих верблюдов лечь на землю, чтобы их легче было навьючить, а я пока займусь приготовлениями».

Я исполнил его приказание и стал смотреть, что будет дальше. Дервиш между тем набрал сухих веток, развёл огонь и, бросив в него благовонные травы, произнёс какие-то непонятные слова. В ту же минуту поднялся густой дым, а когда он рассеялся, я увидел в скале напротив высокую двустворчатую дверь, которой прежде не было видно.

Через эту дверь мы вошли в великолепную залу, отделанную с удивительной роскошью и вкусом. Но я не был расположен любоваться этой красотой: не медля ни минуты, я набросился на рассыпанное повсюду золото и драгоценные камни и стал наполнять ими приготовленные мешки. Дервиш последовал моему примеру, но собирал главным образом драгоценные камни, посоветовав и мне делать то же самое. Я бы охотно унёс все сокровища пещеры, но приходилось учитывать силы наших выючных животных.

Наконец верблюды были нагружены; оставалось только закрыть пещеру и пуститься в обратный путь. Но, прежде чем выйти, мой товарищ вынул из золотой вазы какую-то маленькую коробочку из неизвестного мне дерева и спрятал её у себя на груди. Впрочем, заметив моё любопытство, он тут же сам показал мне, что в ней находится какая-то мазь.

При выходе из пещеры дервиш проделал ту же церемонию, что и вначале: снова разжёг потухший было костёр, покурил благовониями и произнёс свои заклинания, после чего дверь в скале исчезла. Затем мы поделили между собой верблюдов с их грузом и, выйдя на большую дорогу, разошлись в разные стороны – дервиш по направлению к Бальсоре, а я по дороге в Багдад. Но не успел я сделать и ста шагов, как мной снова овладела жадность.

«На что дервишу такое богатство? – рассуждал я. – Ведь он всегда может вернуться в пещеру и набрать себе столько золота, сколько сам захочет».

И, недолго думая, я остановил своих верблюдов и бросился догонять дервиша.

«Брат мой! – воскликнул я, остановив его. – Я совершенно упустил из виду одно обстоятельство. Сам посуди: ведь ты человек духовный и не привык заниматься делами и тем более управляться с таким большим количеством верблюдов. По-моему, тебе следовало бы уступить мне десять верблюдов: тебе достаточно будет возни и с остальными тридцатью».

«Пожалуй, ты прав, – сказал дервиш, – я в самом деле не подумал об этом. Ну что ж, если хочешь, можешь забрать с собой десять верблюдов – дарю тебе их от всего сердца».

Лёгкость, с которой дервиш расстался с такой значительной частью своего богатства, только ещё сильнее разожгла мою жадность, и я решился попытать счастья ещё раз. Поэтому, вместо того чтобы поблагодарить его за щедрый подарок, я обратился к нему со следующей лицемерной речью: «Прости, брат мой, но, по-моему, и тридцати верблюдов для тебя слишком много, тебе с ними ни за что не управиться; для меня же, если ты мне уступишь ещё десять верблюдов, это не составит никакого труда».

Слова мои, очевидно, показались дервишу вполне убедительными, так как он без всяких возражений уступил мне ещё десять верблюдов. Казалось бы, после этого я должен был быть вполне доволен, но – увы! – я был словно в горячке, при которой чем больше человек пьёт, тем сильнее разгорается жажда. И вот я снова принялся выпрашивать, пока наконец не заполучил от дервиша остальных двадцать верблюдов. Я бросился обнимать и целовать своего благодетеля и рассыпался в уверениях вечной благодарности, но тут мне вдруг вспомнилась коробочка с неизвестной мазью, которую дервиш взял в пещере. Мне пришло в голову, что она, быть может, ценнее всех наших сокровищ. Я, конечно, тотчас же воспылил желанием заполучить и её.

«Кстати, – заметил я с небрежным видом после того, как в последний раз обнял своего благодетеля, – что это за коробочка с мазью, которую ты вынул из вазы в пещере? По-моему, тебе бы следовало заодно подарить мне и её. Ведь тебе, как лицу духовному, даже неприлично держать при себе какие-то мази».

Дервиш и на этот раз не думал отказывать мне. Он вынул из-за пазухи коробочку и, подавая её мне, сказал: «Ты должен знать и свойства этой мази: если немного потереть ею вокруг левого глаза, то можно видеть все сокровища, скрытые в земле. Но боже сохрани потереть мазью правый глаз: в ту же минуту ты ослепнешь».

Мне, конечно, захотелось самому убедиться в чудесном свойстве мази, и я попросил дервиша потереть мне ею левый глаз. Тот согласился, и я действительно увидел множество подземелий, наполненных несметными сокровищами. Это ещё сильнее разожгло моё корыстолюбие, и внезапно мне в голову пришла мысль, что предостережение дервиша относительно правого глаза было лживо и что, напротив, это дало бы мне возможность завладеть всеми этими удивительными богатствами. Поэтому я стал просить дервиша натереть мне мазью и правый глаз.

«Несчастный! – воскликнул тот с негодованием. – Неужели корысть так овладела тобой, что ты даже готов на всю жизнь остаться слепым? Откажись от своего безумного желания и не сомневайся в словах человека, который уже дал тебе столько доказательств своего расположения».

Но я продолжал его упрашивать, и наконец он сказал с досадой: «Хорошо, пусть будет по-твоему; только помни, что ты будешь сам виноват в своём несчастье».

«Не беспокойся, я тебя упрекать не стану!» – воскликнул я насмешливо и поспешил подставить ему правый глаз. Дервиш исполнил моё желание. Но, увы, слова его оказались верными: когда я открыл глаза, меня окружал глубокий мрак. Легко представить себе моё отчаяние! Я плакал и кричал как полоумный, рвал на себе волосы и умолял дервиша сжалиться надо мною и вернуть мне зрение. Но тот сурово оттолкнул меня, промолвив: «Это только справедливое наказание за твою ненасытную жадность, и я ничем не могу помочь тебе. Моли бога:

быть может, он сжалится над тобой и пошлёт тебе исцеление. Что же касается сокровищ, которые я тебе подарил, то ты оказался недостойным их, и я найду им другое, лучшее применение».

И с этими словами он, не обращая внимания на мои стоны и мольбы, удалился, погнав вперёд всех моих верблюдов, а я остался один, слепой и совершенно беспомощный.

Долго пролежал я среди пустыни, предаваясь своему горю, и, наверно, умер бы с голода, если бы на другой день меня не подобрал караван, возвращавшийся из Бальсоры, и не отвёз обратно в Багдад. С тех пор, лишённый всех средств к существованию, я принуждён просить подаяние у добрых людей, и, чтобы искупить свою вину, я прошу каждого, подающего мне милостыню, дать мне заодно и пощёчину. Такова моя история, о повелитель!

Когда слепой кончил свой рассказ, калиф сказал:

– Баба-Абдаллах, твой грех, конечно, велик, но так как ты осознал его и искренне в нём раскаиваешься, то отныне я освобождаю тебя от твоего обета. С сегодняшнего дня и до конца твоей жизни ты ежедневно будешь получать от меня четыре дирхама, которые тебе будут выплачиваться моим великим визирем.

Потом калиф обратился ко второму из приглашённых, Кодже-Гассану, и приказал ему рассказать, каким образом ему удалось так быстро разбогатеть.

И Коджа-Гассан начал рассказывать свою историю:

– Повелитель, прежде всего я должен сказать, что у меня есть два близких друга, которым я и обязан своим счастьем. Оба они жители этого города и могут подтвердить правдивость моего рассказа. Одного из них зовут Саади, а другого – Саад. Саади, который всегда был очень богат, считал, что человек только тогда может быть по-настоящему счастлив, когда владеет большим состоянием и ни от кого не зависит. Саад же, напротив, утверждал, что истинное счастье человека заключается лишь в добродетели, а в богатстве наиболее ценно лишь то, что оно даёт возможность помогать другим. Впрочем, это различие во мнениях ничуть не мешало обоим быть большими друзьями.

Однажды во время разговора они снова коснулись своей обычной темы.

«Я убеждён, – сказал Саади, – что если бы бедняку удалось достать или скопить такую сумму, которая могла бы вывести его из нищеты, и если бы он сумел мудро распорядиться деньгами, то ему нетрудно было бы разбогатеть в самое короткое время».

«А по-моему, – возразил Саад, – бедняк может разбогатеть не только благодаря деньгам. Часто случай помогает людям не меньше, чем богатство».

«Я вижу, друг мой, что мне тебя не переспорить, – сказал Саади. – Давай сделаем опыт: я выберу какого-нибудь бедного трудолюбивого ремесленника, еле перебивающегося изо дня в день, и подарю ему такую сумму денег, которая дала бы ему возможность сразу стать на ноги. Вот ты и посмотришь тогда, как быстро он приумножит своё состояние».

Несколько дней спустя оба друга, гуляя, случайно зашли в тот квартал, где я занимался своим обычным ремеслом – скручиванием верёвок. Это ремесло я унаследовал от отца, к которому оно перешло от деда, и так далее. В нашем роду в течение многих поколений все были верёвочниками и все жили в одинаковой бедности.

Заметив, с каким усердием я работал и в каком жалком виде было моё платье, Саад вдруг вспомнил недавнее предложение друга и, обратившись к нему, сказал: «А вот и подходящий для нашего опыта человек. Он достаточно трудолюбив и беден, чтобы заслужить наше участие».

«Ты прав, – отвечал Саади, – подойдём и расспросим его о его делах».

Тут друзья подошли ко мне, приветливо поздоровались, а Саади спросил, как меня зовут.

«Господин, – отвечал я, – меня зовут Гассаном, но из-за своего ремесла я получил прозвище Альхаббал».

«Гассан, – сказал мне Саади, – я удивляюсь тому, что, будучи таким трудолюбивым, ты не успел скопить себе небольшой суммы, чтобы закупить запас конопли и вести своё дело с большим размахом, с помощью наёмных рабочих. Тогда ты быстро смог бы разбогатеть».

«Ах, господин мой, – отвечал я со вздохом, – трудясь с раннего утра до позднего вечера, я еле зарабатываю настолько, чтобы прокормить свою семью. А семья у меня немаленькая: жена и пятеро детей. Слава богу и за то, что мы не голодаем да кое-как одеты и обуты».

«Вот что, Гассан, – сказал мне на это Саади, – если бы я тебе подарил двести золотых монет, сумел бы ты поправить свои дела и сделаться столь же состоятельным, как владельцы лучших мастерских в нашем городе?»

«Господин, – воскликнул я, – я надеюсь, что ты не так жесток, чтобы дразнить бедняка, и что ты говоришь серьёзно. В таком случае могу тебя уверить, что, будь у меня даже менее значительная сумма, я сумел бы повести своё дело так, что вскоре стал бы богаче всех багдадских верёвочников, вместе взятых».

«Ну, хорошо, – сказал на это великодушный Саади. – Вот тебе кошелёк с двумя сотнями золотых – постарайся с толком распорядиться ими. Через некоторое время мы наведаемся к тебе и будем, конечно, очень рады, если наши деньги пойдут тебе впрок».

Можете себе представить, в какой восторг привело меня это неожиданно привалившее счастье. От радости у меня даже дух захватило, и я еле смог пробормотать несколько слов благодарности. Но мой благодетель и слушать меня не стал и, ещё раз пожелав мне успеха, удалился со своим другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.